

МУХАММЕД
ЭССАД БЕЙ

الشيخ محمد

МУХАММЕД

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ДУХОВНЫЕ
ИСКАНИЯ ОСНОВАТЕЛЯ ИСЛАМА

571-632

Мухаммед Эссад Бей Мухаммед. Жизненный путь и духовные искания основателя ислама. 571—632

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69136546

Мухаммед. Жизненный путь и духовные искания основателя ислама.

571—632:

ISBN 978-5-227-10281-2

Аннотация

Страницы этой книги посвящены основателю ислама, создателю исламского государства – пророку Мухаммеду. Автор начинает повествование с описания времени, предшествующего зарождению ислама, племен, которые обитали в Аравийской пустыне, суровых условиях их жизни, диктующих не менее суровые законы существования, заставляющие часть кочевников покидать свою родину. Эссад Бей рассматривает предпосылки зарождения новой религии, рассказывает о варварской Мекке, богатом, оживленном городе пустыни, в котором родился Мухаммед, великий пророк Аллаха, о его жизни, о том, как он поверил в свою миссию, о борьбе, которую вел за создание арабского мира, о культуре и традициях этого мира.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Часть первая	5
Пустыня пророка	5
Народ пустыни	15
Поющая пустыня	32
Вокруг Аравии	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Мухаммед Эссад Бей
Мухаммед. Жизненный
путь и духовные
искания основателя
ислама. 571—632**

© Перевод, «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

Часть первая

Мир до пророка

Пустыня пророка

Подойди, я расскажу тебе, как он пересекает пустыню. Подобно ослу, несущему свою ношу, он взвалил на плечо запас хлеба и воды. Он идет, согнув спину. Вода, которую он пьет, источает тошнотворное зловоние.

Патирус Анастаси, IV: 9

На северо-востоке Африки раскинулся Египет, страна голубой реки и зеленой долины, стиснутых золотыми песками пустыни. Острый язык суши соединяет Египет с азиатским миром, а широкая пустыня отделяет от страны двух рек, Евфрата и Тигра.

В Египте царствовали фараоны; в Месопотамии возвышались две могущественные империи, Ассирия и Вавилон. Между Египтом и Месопотамией были лишь пустыня и дикость. Владыки этого древнего мира, группировавшегося вокруг великих рек, подлинных центров притяжения, не обращали внимания на пустыню. Разве что создали на границах государства, служившие буфером; время от времени они на-

правляли в пустыню карательные экспедиции, и убогое существование встреченных там грабительских племен придавало отчетам об этих походах фантастический оттенок. Так, старик-египтянин, основываясь на своем опыте, сформулировал следующее поучение: «Не ходи в пустыню, сын мой, никто никогда не обрел там счастья. Если ты углубишься в нее, то вскорости уподобишься ветке, потерявшей корни и глодаемой червями».

Фараоны исчезли. Месопотамские империи постигла та же участь. Их место заняли новые государи, которые, в свою очередь, возводили дворцы, совершали походы и создавали новые государства-буферы против пустыни. Между Нилом и Евфратом в неизменном виде продолжали существовать одиночество и варварство, равнодушные к превратностям окружающего мира. Один из владык, обосновавшийся на берегу Евфрата, говорил о жителях пустыни: «Для нас они всегда были бродягами и голодранцами».

Итак, на Ниле, как и на двух азиатских реках, сменяли друг друга могущественные мировые державы, переживавшие величие и упадок. А в пустыне между ними ничего не появлялось и не исчезало. Пустыня продолжала существовать как препятствие, воздвигнутое перед обитателями двух стран, в равной степени увлеченных цивилизованной жизнью. Впрочем, препятствие не было непреодолимым. Имелась тропинка, по которой караваны, не без риска, заходили в обиталище демонов, способное вдохновить воображе-

ние рассказчиков легенд, а попросту на территорию, не представлявшую интереса для завоевателей и правителей.

Ее название: Джазират аль-Араб («остров арабов»). В действительности в пустыне не было ничего островного. Это был мир, помещенный между Африкой и Азией, двумя родственными и одновременно специфически чуждыми один другому континентами. Уникальный мир.

Аравия образует полуостров. Его площадь около 3 миллионов квадратных километров. Его берега – Средиземного и Красного морей и Персидского залива – скалисты и негостеприимны. Корабли могут причаливать к ним лишь в очень немногих местах. Море, этот помощник в постоянных связях между народами, изолирует Аравию от остального мира. Ту же роль, еще более энергично, исполняет пустыня. На севере, на границе с Ираком, пустыня Нефуд, эль бахр била ма, «море без воды»; на юге Руб-эль-Хали, жуткий Хадрамаут, пустыня красного песка. На протяжении тысячелетий Аравия, расположенная между величайшими центрами цивилизаций Древнего Востока, оставалась изолированной, темной и бедной.

Древние легенды пытаются объяснить происхождение такой страны. Когда Властелин всех миров создал Землю, он поровну разделил между всеми районами камни и воды, луга и долины. Каждой стране досталась часть этих сокровищ Всемогущего. Аравия тоже получила свою долю. Затем Властелин миров решил раздать всем уголкам Земли немного

песка, потому что он тоже может быть полезен людям. Он наполнил этой субстанцией мешок и поручил архангелу Гавриилу разделить ее по справедливости. Но Лукавый, Сатана, позавидовал судьбе рода людского. В тот момент, когда Гавриил летел над Аравией, Сатана сумел незаметно подкрасться к нему сзади и разрезал мешок; и песок тут же высыпался всей массой, накрыл эту страну, высушил озера и уничтожил ручьи и реки. Так появилась пустыня.

Властелин миров был этим разгневан. «Ах, – сказал он, – моя Аравия обречена на нищету; ну что ж, в таком случае я одену ее в золото». И в милости своей создал гигантский купол из сверкающего золота. Он предназначался для освещения пустыни по ночам. Но Лукавый задумал снова обделить жителей пустыни. Он приказал своим джиннам накрыть сверкающее небесное золото покрывалами, чернее, чем сама чернота. Но Властелин миров не желал признавать свое поражение. Он послал своих ангелов пронзить копьями брошенные Сатаной темные покрывала, в которых образовались маленькие дырочки. Так родились звезды Аравии, это божественное золото, которое улыбается арабу, когда тот ложится у входа в свой шатер. Днем же его страна остается во власти Лукавого.

Долгие месяцы небо сохраняет свой стальной голубой цвет. Оно теряет блеск и приобретает пепельно-серый оттенок, лишь когда жара становится настоящим пеклом. Она изнуряет страну, непрестанно проливается на землю, высу-

шенную ее жаром. Под палящим ее солнцем страна остается иссушенной, желтой, однообразной; ничто не может изменить ее многовекового опустошения. Порой горы и скалы рушатся, изъеденные изнутри вечным перегревом. Как и все живущее под арабским солнцем, они медленно превращаются в пыль. Пыль, только она различима между небом и землей. Ее тяжелые облака, гонимые ветром, закрывают горизонт, затемняют солнце, собирая тепло, и обрушиваются удушливыми массами. Аравия – невольница солнца и пустыни.

В Хадрамауте, Нефуде, Дане и Руб-эль-Хали бесплодная серая равнина сменяется пугающим морем красноватого песка. Пески занимают две трети арабской страны, на которых царствует смерть. Между холмами вклиниваются песчаные котловины того же цвета. Они поглощают животных и людей. Они медленно исчезают в этих пропастях без дна. Так неоднократно заканчивались вторжения воинственных соседей: хитрость бедуинов завлекала их в жуткую Руб-эль-Хали.

Девять десятых территории Аравии заняты непригодной для возделывания пустыней. Ее огромное желтое пространство останавливается, наткнувшись на отвесные пики гор, обиталище демонических существ. Там образуются пещеры, где дует свежий ветер и откуда по ночам доносится зловещий вой: он идет из ада, который идентифицируется с Джебель Селбаль.

Ни одна река, заслуживающая этого названия, не пересекает страну. Очень редки места, где могут зародиться и развиваться человеческие поселения; они группируются в Неджде и Йемене, изолированных на крайнем юго-западе, в торговых узлах, в Хиджазе и у подножия гор. Там стоят города и деревни; крестьянин обрабатывает тощую землю. Вдоль широкой лощины – ложе пересохшей реки? – теснятся жилища. Их жители – бедные труженики, напуганные близкой пустыней: все эти поля, эти деревни, эти города не что иное, как счастливые случайности, благоприятные исключения, ориентиры, далеко заметные на серой бескрайности пустыни. Только там могут образоваться редкие установления, напоминающие о государственности; только туда смогло проникнуть скромное влияние ближайших к Аравии цивилизаций. И все эти явления остаются обязанными своим появлением чистой случайности. Стоит одному вторжению из Дамаска достигнуть этого оазиса, и с культурой, утвердившейся в нем, будет покончено; единственный ночной набег может уничтожить все государство.

И все покрывает песок, после так же, как и до того. Каналы высыхают; здания рушатся. Пустыня, единственный решающий фактор Аравии, расширяется. Лишь она одна дает стране специфическое убежище. Население в огромном своем большинстве зависит от нее одной. Она самовластно руководит судьбой арабов. Она начало и конец их мира. Она предшествовала возведению их городов; она переживает их

последнюю стоянку, которую однажды занесет песком. Пустыня служит арабу и колыбелью, и могилой.

В Аравии идет соперничество двух стихий, и араб борется с той и с другой. Два элемента, две силы – песок и вода – ведут ожесточенный бой. Что такое песок, знает каждый, даже тот, кто ни разу не видел пустыни. Но может ли житель Запада хотя бы догадаться, что такое вода? У него ее вдоволь, она есть, так же как воздух, как земля. Она течет повсюду: реки, речушки, ручьи. Она заполняет озера. Она дает плодородие земле. На Востоке есть воздух и земля. Но где же вода? Текучей нет, все реки и ручьи пересохли. Озер нет, и неизвестно, были ли они там когда-нибудь. Вода? Ее бережно хранят в маленьких кожаных мешках или в животе верблюдов. Жители постоянно враждуют из-за обладания жалким колодцем. Малейший ручеек обеспечит выживание и процветание целых племен.

С приходом лета кочевник преодолевает сотню километров по пыльной пустыне, чтобы добраться до источника воды. Вода – это палладий пустыни: разве не известно, что ангелы выплевывают ее на землю, когда хотят выразить благоволение людям? Потому и вкус ее зависит от того, изо рта какого обитателя небес она вышла. Тот, кому посчастливилось найти источник, не рассказывает об этом; он строго хранит секрет только для собственного племени. Аравия – это мир без воды.

Небо месяцами не меняет своего пепельного цвета, оно

словно покрыто песчаной коркой. Через всю страну дует самум: горячий ветер вздымает песок пустыни. Ее жители забиваются в свои шатры и бросают усталые взгляды на горизонт, где возникают картины миражей, всегда одинаковые: вода, вода, вода! Очень редко, раз в несколько месяцев, на небе появляется облачко... Оно набухает... и, наконец, проливается дождем. Тогда песок и вода смешиваются, образуя единую природную силу. С неба вода падает на раскаленный песок, который поглощает ее и берет в плен.

Пустынные долины, где разбивает лагерь бедуин, наполняются водой. Они внезапно вновь становятся реками. Старые мертвые русла оживают. Шатры опрокинуты, верблюды унесены течением. Племя обитателей пустыни спешит укрыться на песчаных холмах, на мгновение превратившихся в речные берега. А потом дождь прекращается; пустыня представляет собой сплошной илистый пруд. Ни человек, ни животное не могут по нему передвигаться. Это продолжается два-три часа, и вот пустынный ветер начинает обдувать влажный песок. Солнце вновь безжалостно жжет и поглощает воду, дар небес.

Пустыня быстро возвращает себе прежний облик – суровый, сухой, голый, безжизненный. Кочевник с трудом собирает то, что сумел спасти; племя медленно отправляется в молчание, одиночество, варварство. Снова ветер гонит песок; степь остается унылой, прежней, до бесконечности. Бедуин идет по ней целый день. Его верблюд может проделать

от десяти до пятнадцати километров в час. Медленно при-
тупляются чувства. Вокруг лишь небо и песок, часто непо-
нятно, где заканчивается одно и начинается другое. Полу-
сонный бедуин движется через пустыню, а на границе сна
и яви бесконечно присутствует монотонная серая пустыня,
песок.

Там нет ничего, что могло бы дать пищу воображению;
ничего стимулирующего. Именно в пустыне берет начало
восточная лень, взращиваемая бесконечным движением ка-
раванов в безжалостном одиночестве. Но там же, в этих
неустойчивых песках, берут начало приступы гнева, внезап-
ные выплески энергии бедуинов. Чтобы разгорячить ум жи-
теля пустыни, нужно совсем немного; у него в достатке вре-
мени на отдых, мечты и размышления. Его мозг сухой и од-
новременно прозрачный, как воздух, которым он дышит, как
песок его родины. В нем можно разместить очень немного
идей, но зато они проникают до самых глубин его прямой
души.

Одна у него есть, древняя, как мир: необъяснимость. Как
объяснить пустыню? Однажды она предоставит вам фиговое
дерево, немного воды; завтра подует самум, который убьет
вашего последнего верблюда.

Никто не знает, что может принести пустыня. Это небы-
тие, которое обладает жуткой силой; это небытие сильнее
кочевника. Человек покорно подчиняется необъяснимой пу-
стыне. Беспомощный, он терпит ее власть. Ужасы пустыни

держат его в оковах. Он покорно склоняется перед событиями, нависшими над его головой.

Итак, девять десятых Аравии принадлежат пустыне, а остальная часть в любой момент может оказаться захваченной ею. Арабу остается одно: быть фаталистом.

Этот человек, живущий в песках, подобен песку; незаметный большому миру, он остается неизменным на протяжении тысячелетий. Арабский народ не изменялся с начала времен. Он остается таким, каков он есть, подобный пустыне, из которой происходит, в которой живет и с которой не может расстаться.

Но что это за народ?

Народ пустыни

*Для нас арабы всегда были не кем иным, как
нищими и грабителями.*

Йездегерд III

Когда родился Исаак, Авраам прогнал из своего шатра невольницу Агарь вместе с рожденным ею от него сыном Исмаилом. Мать и ребенок бежали в пустыню. Библия умалчивает о том, что с ними стало. Но мудрецы рассказывают, что в пустыне Исмаил повстречал дочерей Лилит. От них и от него, сына Авраама, произошел арабский народ. Этот народ сильно увеличился в числе, но пустыня, в которой он жил, была бесплодна и уныла. Место жительства определило условия существования жителя; он бродил от оазиса к оазису, пас скот до истощения скудных пастбищ, которые, чтобы прокормить небольшое племя, должны были иметь площадь средней европейской провинции. Когда же места для содержания скота оказалось недостаточно, потому что народ слишком умножился, части его пришлось покинуть родину. Эти эмигранты стали грозными завоевателями на Ниле и Евфрате или же наемниками на службе у иноземных правителей.

Таким образом, каждые двенадцать – пятнадцать лет пустыня избавлялась от лишнего населения. Во все времена для ее жителей существовал единственный путь: дорога в

Месопотамию через плодородные равнины Палестины и Сирии. Орошаемые земли, благословенные земли, где кочевник становился оседлым. Там он основывал государства, там строил дома и оттуда шел войной на вчерашних своих братьев, продолжавших вести некультурную жизнь в Аравии. Семитское вторжение из этой страны породило Ассирийскую и Вавилонскую империи, мировые державы своего времени, сердце античной цивилизации.

За халдеями, первыми строителями этих величественных зданий, последовали приходившие из глубин Аравии многочисленные народы, о которых упоминает Библия. Затем пришли современники Рима арамейцы. Их воинственные племена без передышки надвигались из первоначального места обитания семитов на мир городов и сельского хозяйства. Немногочисленные миграции, случайные, но почти непрерывные, со временем уступили место более массовой экспансии. Так продолжалось до начала VI века нашей эры, когда на горизонте Древнего мира появился новый народ – арабы.

Этот народ делится на две большие группы. Одна, привыкшая к жизни в пустыне, наложившей на нее свой отпечаток, кочевники; другая старается жить как в Месопотамии, в Сирии или Египте, это оседлые арабы. Между теми и другими существует постоянная, застарелая, неизлечимая вражда. В глазах бедуина оставить кочевую жизнь означает впасть в рабство, зависеть от плуга, вместо того чтобы рассчитывать на свой меч. Со своей стороны, оседлый житель ненавидит

бедуина, жестокого грабителя из пустыни, как только может ненавидеть ренегат, еще вчера сам ведущий жизнь вольного кочевника.

Вот что рассказывает бедуин: «Когда Всемогуший создал мир, он взял ветер и сказал ему: „Стань человеком!“ И создал Бог из ветра бедуина. Затем он взял стрелу, из которой сделал пустынного скакуна. Потом взял комок грязи, из которого сделал осла. А из первого ослиного помета, по своей безмерной милости, Властитель мира создал горожанина и крестьянина, привязанного к земле».

Но последний не лезет за словом в карман. Намекая на свойственный пустыне обычай, он презрительно заявляет, что бедуин «не способен отличить женщину от девственницы», и этого, по его мнению, достаточно, чтобы охарактеризовать разницу между городом и пустыней.

Как бы то ни было, большая и лучшая часть арабов живет в пустыне. Жизнь их сурова и полна опасностей. Необходимо строго подчиняться железным правилам. Здешние необходимые меры защиты неизвестны в оседлом мире. В одиночку человек почти ничего не может. Чтобы победить силы природы, необходимо объединяться. Те, кого араб объединял вокруг себя, изначально и позже, в основном принадлежали к его семье. Он заключает с ними пожизненный союз. Так образуется клан или племя. Западные европейцы в наши дни не понимают значение этого термина. У нас есть семьи, различные группы, ассоциации, государства. О семье необ-

ходимо заботиться, государству следует служить, в группу вступают. Но ни одна из этих связей не поглощает существование индивидуума полностью. А племя делает именно это. Оно навязывает свободному сыну пустыни безжалостные правила; оно управляет им жестче, чем в Европе семейная солидарность, государство или партийная принадлежность, потому что оно соединяет в себе семью, государство и партию.

Племя образует большую семью, члены которой не могут расстаться. У него есть свои правила, которые должно строго исполнять. Оно властно определяет роль каждого в общности. Оно навязывает своим членам выступление в путь или лишение еды. Оно владеет всеми верблюдами, овцами, детьми и женами каждого своего члена. Свою грозную власть оно осуществляет посредством тысячи законов и различных традиций. Одним словом, оно поддерживает тип первобытного коммунизма. Араб не представляет себя вне своего племени. Только принадлежность к конкретному племени придает ему ощущение собственной личности и человеческое достоинство. Племя насчитывает тысячи членов, все соединены между собой настолько, что каждый знает степень своего родства с каждым.

Когда племя пересекает пустыню, его вождь, шейх, едет впереди. Он в первую очередь выполняет свою миссию, заключающуюся в том, чтобы следить за соблюдением законов сообщества. Любого нарушителя законов изгоняют из пле-

мени. В Аравии это худшее из наказаний. Свободный, словно птица, изгой оказывается объектом для безнаказанного грабежа и убийства. Никто не защитит одиночку, не входящего ни в какое племя, никто не придет ему на помощь. И действительно, чью поддержку может найти араб? Государства? Государство не существует. Только уважение, которым пользуется его племя, обеспечивает ему поддержку в трудной ситуации. Теоретически, член большого племени может без опаски путешествовать через пустыню. Кто осмелится причинить ему вред, когда за ним стоит внушительная сила его племени! Он может влезть в долги, если оно богато; оно отвечает за него в случае банкротства. Если он молод и беден, но хочет жениться, племя внесет плату за невесту. Если попадет в плен, племя его выкупит. Для араба принадлежность к сильному племени имеет многочисленные преимущества. Араб, член крупного племени, имеет все те удобства, всю ту безопасность, которую современное государство может предложить своим гражданам, и даже сверх того. Но он все это теряет, едва только племя изгоняет его из своих рядов. Власть племени и безопасность, благополучие, само существование его членов связаны между собой неразрывно.

Но каким же образом племя приобретает такую власть? Очень просто, самым простейшим из всех возможных способов: оно увеличивает число своих членов, как только может. Чем больше детей копошатся в шатре араба, тем больше у него уверенность в том, что племя сохранит силу и значе-

ние.

Отец многочисленного семейства пользуется особенным уважением. Нигде мужская плодовитость так не ценится и не восхваляется публично, как в лагерях кочевников. Обращаясь к городам, где процветает изнеженность, бедуин говорит: «Да, я беден и прост, но я произвел на свет двадцать детей и сделаю еще столько же». О мудрецах, о людях, которых он уважает, он скажет: «Этот может произвести столько детей, сколько хочет; Бог к нему благосклонен». У желающих произвести на бедуина впечатление решающим аргументом будет назвать количество своих детей. Нередко в одном шатре их бывает по десять или двадцать. Конечно, многих забирает смерть, но здесь не знают иного способа восполнить потери, кроме как родить новых ребятишек.

Очевидно, что такая многодетность, необходимая бедуину для поддержания силы племени, несовместима с моногамией. Племенная жизнь в пустыне предполагает полигамный брак. Каждую жену бедуин добывает простым способом — похищает из соседнего племени. Жениться внутри собственного племени ему не нравится: он опасается тем самым совершить кровосмешение.

Весной, когда в одном оазисе разбирают лагерь несколько племен, бедуин начинает искать избранницу своего сердца. Он встречается ее на верблюжьем пастбище, на подступах к колодцу или ночью у костра. Долгие зимние переходы вызвали у него пылкое желание обзавестись любимой подругой.

Сближение происходит очень быстро. Необходимо принять решение прежде, чем племена разойдутся в разные стороны. Жених либо покупает ту, которую выбрал, обговорив цену с ее племенем, или попросту похищает. Если же не получилось ни так, ни этак, ему остается петь печальные любовные песни, *кассиды*, уезжая одиноким со своим племенем. Порой случается, что юная бедуинка, полная мужской энергии, решает похитить возлюбленного и привести его в свое племя. Такое наблюдается среди племен, испытывающих более-менее сильную нехватку мужчин.

Браки среди бедуинов регулирует целый свод законов. Помимо обычного супружеского союза, существует временный брак, называемый *кебинным*. Он заключается на год или на несколько месяцев; он нисколько не компрометирует женщину. Отец охотно позволяет дочери провести условленный отрезок времени в шатре своего соседа. Эта практика дает опыт.

Что же касается развода, не существует никаких правил, затрудняющих его. Когда жена надоедает мужу, он с почетом отправляет ее к предыдущему владельцу, то есть к отцу. Репутация разведенной нисколько не страдает. Супружеская любовь не приобретает трагического оборота среди людей, чья жизнь заключается в основном в зачатии детей. В древности кочевники практиковали даже полиандрию. Десять — двенадцать мужчин, желающих жениться, объединялись, чтобы приобрести красавицу, за которую ее отец на-

значал цену, недоступную любому из них поодиночке. Когда дело было решено, каждый из мужей получал палку. С этого момента он получал право входить в шатер жены, которую делил с компаньонами, и оставаться там столько времени, сколько нужно. А перед шатром он клал палку, чтобы другие мужа его не беспокоили.

В этом проявляется практический реализм бедуина: лучше владеть одной десятой ценного товара, чем быть единоличным владельцем товара никудышного. Для подобных случаев имелись эксперты, устанавливавшие отцовство, что было настоящей наукой в пустыне, в которой каждый хочет иметь детей. Несмотря на проявляемую арабом некоторую романтичность, его брак имеет единственную цель – рождение потомства.

Это объясняет, в числе прочего, обычай, считающийся совершенно приличным: бедуин, не получивший благословения в виде многочисленного потомства, ищет в племени мужчину достаточно крепкого, чтобы можно было рассчитывать на здоровое потомство от него, и заключает с тем договор: например, за двух верблюдов и пять овец тот возьмет на себя труд вместе с женой обездоленного сделать ребенка. Одновременно оговаривается, что данная связь не дает никаких прав на отцовство. Ребенок будет принадлежать мужу.

Итак, богатство и могущество племени заключаются в детях. Но исключительно в мальчиках, будущих воинах и мудрецах. Девочки – непроизводительная тягость, они не нуж-

ны. Они не пригодны для того, чтобы воевать, пасти стада общины, они не умеют находить новые пастбища. Рождение дочери в шатре кочевника воспринимается как божье наказание. Когда такие испытания повторяются, бедуин без колебаний противопоставляет им действие столь же жестокое, сколь простое. Существует отвратительный пустынный обычай, позволяющий хоронить заживо лишних девочек: таким образом устраняются помехи, отнимающие у мальчиков предназначающееся им материнское молоко. Наивная евгеника жителей пустыни.

Мальчики и взрослые мужчины, иного богатства пустыня не знает. Смерть одного из них обедняет племя. Если его убивает член другого племени, убийца должен в свою очередь умереть, чтобы сохранить естественное равновесие между племенами. Из этого следует сложный арабский закон кровной мести, высший закон пустыни.

Для жителя Запада это не что иное, как звериный взрыв яростного желания возмездия. Совершенно неверный взгляд. Закон кровной мести сложнее многих законов, действующих в Европе. Эта месть не осуществляется под воздействием внезапно вспыхнувшей ярости; она подчиняется множеству правил и условий, которые каждый кочевник должен запечатлеть в своей памяти с самого юного возраста. Рассматриваемый в своем истинном свете, закон этот, каким бы ужасным мы его ни считали, предстает единственной преградой на пути анархии, войны всех против всех. Мир

в пустыне временно поддерживается исключительно угрозой, нависающей над всеми племенами. Без страха возмездия они никогда не наслаждались бы сколь-нибудь продолжительным миром. Потеря члена семьи, боевой единицы, ослабляет племя, создает пустоту в его рядах и укрепляет враждебное племя. И не важно, имел ли убийца предварительный замысел, или речь идет о случайности.

Древние бедуины не знали понятий греха и преступления. Они знали лишь ущерб, который следовало возместить. Кровная месть в чистом виде является компенсацией на восточный манер. Поэтому, например, логика строго ограничивает ее членами чужих племен. Речь идет не о наказании за убийство как таковое, а о причиненном им ущербе. Другое дело, если убийство совершено внутри племени, часть ущерба несет и сам виновник, поскольку он потерял одного из кровных родственников. Если наказать его, то живая сила племени понесет дополнительный урон; она лишится еще одного члена. Таким образом, кровная месть внутри одного племени – это абсурд.

Ее вызывает не только убийство. Она начинается и из-за кражи, и из-за обычного оскорбления, то есть в случае причинения любого материального или морального ущерба. Обычно она выливается в разорительные грабительские рейды одного племени против другого. Боевые действия официально продолжаются до восстановления первоначального баланса, но фактически длятся до бесконечности. Но мотивы,

которые могут вызвать эту резню, оказываются жутко незначительными в сравнении с ее последствиями.

Вот, например, из-за чего два могущественных племени вели между собой войну в течение нескольких десятилетий. Однажды достопочтенный шейх Кулейб ехал по территории, на которой стояло лагерьем его племя. Вдруг он увидел ласточку, которая только что снесла яйца и в тревоге следила за ними. Кулейб, добрая душа, сказал ей: «Не бойся, птичка, я, шейх Кулейб, обещаю, что с тобой не случится никакой беды». И, сказав это, продолжил путь.

Час спустя через то же место проезжал на своем верблюде Джейзас, не менее достопочтенный шейх соседнего племени. Он не обратил внимания на ласточку, и копыта его верблюда разбили яйца. На следующий день Кулейб, проезжая там, увидел раздавленные яйца. В ярости он примчался к лагерю, и его негодование прорвалось наружу, когда он увидел, что копыта верблюда Джейзаса все еще испачканы яичным желтком. Он стал искать Джейзаса, а тот как раз стоял к нему спиной. Кулейб был слишком вежлив, чтобы подойти и стать перед его глазами. Джейзас был слишком хорошо воспитан, чтобы поворачиваться к кому бы то ни было.

– Повернись лицом! – крикнул ему Кулейб. – Или я убью тебя.

– Иди сюда! – ответил Джейзас.

Оба шейха заплатили жизнью за свои хорошие манеры, а их племена, как мы помним, ожесточенно воевали одно с

другим несколько десятилетий.

Можно сказать, что нет ни одного арабского племени, не имеющего смертельного врага, которого надо победить любой ценой, нет ни одного араба, который не искал бы без передышки схватки со смертельным врагом. Жизнь бедуина является непрерывным сражением с природой и с людьми. И, несмотря ни на что, пустыня тоже имеет специфические законы о мире, которые каждый обязан безусловно соблюдать. Законы такой древности, что никто не помнит, когда они возникли, но которые все исполняют так же, как божественные заповеди. Законы, установленные для всех, без различия племен, и малейшее их нарушение влечет за собой самое страшное наказание – изгнание из пустыни, возможность, о которой бедуин не может говорить без содрогания от ужаса. Никто не желает знаться с подобным преступником или с его племенем; к ним стараются даже не приближаться, их стараются отослать как можно дальше.

Так каковы же эти законы о мире? Они предстают обломками древнего установления, некогда действовавшего во всей пустыне. Объем их не велик, но без них существование стало бы невозможным. Например, они запрещают, даже в самых ожесточенных сражениях, на войне, в ярости кровной мести срубить пальмы врага или забивать источники воды. Источники и пальмы являются, так сказать, священными. Их польза касается всех, сегодня ими пользуется одно племя, завтра другое. Проклятье тому, кто причиняет им вред. Он

перестает быть человеком и становится диким зверем, и каждый, кто его настигнет, уничтожит его.

Законы эти предписывают также гостеприимство. Даже если смертельный враг кочевника, убивший его старшего сына, войдет в его шатер с отрубленной головой жертвы в руке, отец должен угостить его едой и овечьим молоком, покорно прислуживать ему и горячо благодарить за честь, оказанную его визитом. Таков закон пустыни.

Но всего этого недостаточно, чтобы сделать существование бедуина терпимым. Грабеж и скотоводство не могут удовлетворить все потребности кочевника. Необходимо еще ежегодно повторять поездки на базары, где собираются все племена, чтобы там обменивать у торговцев кожу, верблюдов и овец на оружие, ткани и другие необходимые продукты. Но как собрать столько племен, если они там и тут заняты войной? Закон пустыни предусмотрел это. Арабы считают священными четыре месяца в году: в течение этого перемирия не допустима никакая война, и смертельные враги не смеют нападать один на другого. Тогда в пустыне царит мир. Народ может без опаски направляться на базары. Это время песен и танцев; враги садятся рядом и славят богов, даровавших мир, длящийся четверть года.

Но эти порывы благочестия не вызывали излишних восторгов. Бедуин проявлял особое равнодушие ко всему, что относится к вере. Например, его намного больше волновал шаг его верблюдов, нежели религиозные вопросы. Араб, бе-

дуин VI века, принимал все, что ему представлено в качестве предмета религиозного поклонения; но в душе он не верил ни во что. Звезды, которые видит, он считал богами. У него перед глазами простирается бесконечная бесплодная пустыня; он почтительно падает ниц перед этой силой. Точно так же он почитает огонь, потому что ему поклоняются персы, а персы – великий народ.

Араб VI века, как мы видим, совершенно не знал религии в европейском значении этого понятия.

Очевидное, грандиозное зрелище пустыни позволяло ему заподозрить существование некоего божества, управляющего всем миром. Но это верование имели и его соседи, иудеи и христиане. Некоторые племена принимали иудаизм или христианство. Фактически, бедуин редко размышлял о высшем божестве. Намного ближе ему были каменная глыба или грубо вытесанная статуя, которую возило с собой его племя. Этот камень превращался в домашнего бога; он не предъявлял слишком больших претензий, ничем не управлял. У каждого племени был свой собственный бог, свой племенной камень, сопровождавший его и полностью удовлетворявший примитивным религиозным потребностям жителей пустыни. Священного предмета оказывается недостаточно? Тогда он обращается к богам, святым, колдунам, потом к целому демоническому пантеону, обитающему под пустыней. Простой араб, житель этой страны, в высшей степени доволен своей религией: она ему помогает, но не навязывает вза-

мен строгих ограничений.

Арабские племена считают себя, как множество других народов и государств, изначально враждебными всякому другому государству, народу или племени. У каждого из них свой бог, свое прошлое, свои обычаи. Единство им совершенно не знакомо. В их представлении арабский народ не существует.

Но так было не всегда. Возможно – вопрос остается открытым, – нравы, образ жизни, законы арабов VI века являлись лишь жалкими остатками некогда процветавшей культуры. Возможно, что когда-то существовали богатые и могущественные арабы со своими государствами, прекрасными городами, писаными законами, установившимися религиями. Возможно, все это было разрушено воздействием знойной пустыни, и в народном сознании сохранились лишь традиционные обычаи, объяснения которым они не знали. Возможно. Уточнять мы не считаем возможным.

Тем не менее, как нам известно, в прошлом этот народ совершил великие деяния. Когда большие торговые пути Востока еще пересекали Аравию, когда цари Хирам Тирский и Соломон Иерусалимский еще посылали свои караваны на базары Офира, арабский народ был богат и могуществен. На юге тогда царствовала царица Савская, блистательная Балкис Македа, она привезла в подарок царю Израиля сто пятьдесят золотых талантов. На севере благоденствовало царство набатеев. Мадиян известен как золотоносная страна. Но

подробностей об этих государствах традиция не сохранила. Они существовали, процветали и исчезли под песком пустыни. В римскую эпоху Аравия еще смогла объединиться для великого восстания: инициативу взяла царица Пальмиры, прекрасная Зенобия; она командовала противостоявшей легионам армией, которая объединила почти весь полуостров. Позднее Зенобия стала украшением триумфа своего победителя.

Все это давно было не более чем прошлым.

В VI веке это прошлое было погребено под толщами песка. Народы Аравии больше не знали единства; нигде у них не было независимых государств, ни на юге, в «счастливой Аравии» былых времен, ни на северном побережье, золотом берегу, в Мадии. На крайнем севере, где пустыня подходила к границам Византии и Персии, мировые державы того времени, как их предшественницы, еще создавали эфемерные государства. Лишь в сасанидской Трансиордании, даннице Византии, да в Ираке Ахеменидов, вассалов Персии, мы находим в то время арабов, объединенных в настоящие государственные формы.

Свободный арабский народ остается в пустыне, в одиночестве и варварстве. Племена гонятся друг за другом, их войны сотрясают страну. Одно истребляет другое, шадя при этом пальмы и источники воды. Каждое обеспечивает свободное существование бедуину, человеку пустыни, не знакомому ни с каким принуждением, не желающему никакой

социальной организации, кроме собственного племени, ради которого он воюет, делает детей и идолу которого поклоняется.

Так жили самые молодые семиты, арабы. У семитов были Моисей и Иисус. Эта крайняя ветвь семитского дерева, распространившаяся от глубин великой пустыни до Ирака и Египта, породит Мухаммеда, посланца Бога.

Поющая пустыня

*Мой шатер, где дует ветер, прекрасней
роскошного дворца.*

Ум-Йезид, мать шестого халифа

Можно ли считать единым народом этих бедуинов, не знающих ни государства, ни принуждения? Какие узы связывали их? Что заставляло эти бесчисленные племена, постоянно занятые войной, время от времени признавать себя членами одной общности?

Вот что на это отвечает старинная арабская поэма: «Бог даровал этому народу четыре милости: во-первых, простой тюрбан, который для пустыни лучше короны; во-вторых, шатер, более практичный, чем дворец; в-третьих, меч, защищающий лучше самых высоких стен. Четвертый дар небес, высший дар, не что иное, как чудесное искусство свободной песни. Араб находит в нем наивысшее наслаждение». Возможно, это утверждение покажется несерьезным; тем не менее оно совершенно точное. Единство суровых арабских племен основывается исключительно на силе их слова, на арабской мелодии.

Песня правит пустыней. Даже в наши дни не известен другой народ, испытывающий такой восторг перед красотой слова, лирическим выражением. Эти жители пустыни, почти дикари, обладают языком, богатство которого нас смущает.

Язык для арабов играл ту же роль, какую другие народы приписывают архитектуре и живописи.

Языком араб владеет мастерски. Он знает сто слов, обозначающих верблюда; он радуется, используя самые сложные фразы, и глубоко презирает несчастные народы, чьи идиомы не могут соперничать по богатству с его оборотами речи. Он тщательно заботится о чистоте своего языка. С самого нежного возраста он приобщен к искусству красиво говорить. За грамматическую ошибку бедуин задает своим детям трепку. Потому что слово священно, потому что язык, единый для всех арабов, делает из них один народ.

Тот, кто хочет приобрести какую-то власть над ними, должен в совершенстве овладеть их языком. Конечно, каждое арабское племя использует свой особенный диалект, с трудом понимаемый соседними племенами. Но над всеми этими диалектами царит язык поэтов пустыни, арабский литературный; каждый член любого племени должен его освоить, если хочет считаться настоящим арабом. Ведь это поэтический язык, а араб дорожит своей поэзией больше, чем тюрбаном, мечом и шатром, а это много значит. Каждый араб, без исключения, умеет слагать стихи, он страстно увлечен литературными вопросами. Поэзия представляет для него спорт, политику и ежедневную газету. Через нее он выражает одновременно чувство прекрасного, общественное мнение, политическую информацию, она соединяет в себе все, что может заинтересовать араба.

Каждый араб – поэт. Сидя на своем верблюде, предоставленный самому себе в тусклые и монотонные часы пути, он покачивается в такт мерному шагу своего животного. Ему надо как-то бороться со скукой, не заснуть, отвлечься от пустыни; тогда он начинает описывать окружающий его мир, и верблюда, везущего его, и бесконечное небо над головой, и собственную силу. Сначала он говорит медленно и монотонно, свободно импровизируя. Понемногу его речь приобретает правильный, скоординированный характер; он принаравливается к ровному ритму шагов верблюда. Это органический ритм всей бедуинской лирики; самые сложные метры арабской поэзии в основе своей все равно восходят к вариациям особенностей ритма шага верблюда по огромной пустыне.

Красоте слова, его поэтической силе араб придает огромное значение. Слово это магия; тот, кто им владеет, превосходит в силе воина. Настоящий поэт может словом творить чудеса, исцелять больных или изгонять из них злых духов. Даже если ему не удастся это сделать, это несколько не умаляет его могущество. Порой одного удачного слова поэта достаточно, чтобы разрушить репутацию араба среди всех племен пустыни. Этих насмешливых замечаний боятся больше, чем меча героя.

У каждого племени есть собственный поэт, который выступает на бой за него. Перед сражением двух племен их поэты выходят вперед и каждый исполняет славословия в честь

собственного племени и оскорбления в адрес противника. Арабы сосредоточенно слушают. Не раз бывало, что племя, чей поэт, в конце концов, проигрывал, молча отступало, не вступая в бой: какой смысл прибегать к мечам, если вас победила песня?

Великим событием в жизни пустыни являлся турнир поэтов. Победителю оказывались неслыханные почести. Его произведение, вышитое большими золотыми буквами на черном полотнище, вывешивалось над входом в храм богов.

Арабский поэт редко умеет читать и писать. Он по необходимости импровизирует. Его поэма, если она хороша, сразу овладевает вниманием слушателей. Чем быстрее он ее продекламирует, тем большей славой себя покрывает. Престиж поэта играет в жизни пустыни основную роль. Никогда в ней не будет царствовать не имеющий дара красиво говорить. Лишь тот, кто держит народ под магией своего красноречия, осыпает противника язвительными насмешками, к месту исполняет хвалебную песню в честь своего племени, лишь тот может получить управление народом, которому поэзия заменяет газету, кино и книги. Бард, если к тому же он обладает качествами доблестного воина, может стать владыкой пустыни.

О чем же поет лирический поэт? О любви, о кровавой ненависти, о романтических сражениях, о племенной гордыне. Он описывает существование в пустыне, верблюда, коня. Но еще выше своего творчества, великолепного, специфиче-

ские достоинства которого может оценить только араб, стоит поэт, окруженный ореолом романтических приключений, прекрасное воплощение бедуинского идеала.

Одним из самых знаменитых в древности был Амр ибн аль-Абда, по прозвищу Тарафа. Он жил во времена Сасанидов, при дворе царя Хирского. Воспевал любовь, вино и своего верблюда, которого любил больше всего на свете. Он был насмешником и любил пошутить, по очереди, над вином, женщинами, богами. Царь слушал его со снисходительной улыбкой. Но однажды Тарафа пошутил над самим царем. Улыбка исчезла; лицо монарха помрачнело, и он стал подумывать, какое наказание назначить за оскорбление величества. В конце концов подходящей карой для дерзкого поэта ему показалась лишь смерть. Но он не решался казнить любимца богов. Кровь поэта слишком ценна, чтобы проливать ее рукой палача. Сам царь никогда бы не осмелился публично огласить такой приговор. Он приказал позвать к нему Тарафу, передал ему письмо и сказал:

– Отнеси его моему наместнику в Бахрейне. Там тебя ждут большие почести и награда.

Поэт Тарафа не умел читать. Он взял письмо и отправился в путь через пустыню. По дороге он встретил знаменитого мудреца, настолько мудрого, что он знал грамоту. Ученый человек прочитал письмо, поскольку в те времена понятие тайны переписки не было известно.

– О, Тарафа! – воскликнул он. – Не ездь в Бахрейн. Ведь

что говорится в этом письме? В нем приказ наместнику закопать тебя живьем в наказание за насмешливую поэму. Разорви его и выбрось в реку.

И вот ответ поэта Тарафы:

Умение читать – великое искусство; великое искусство
письмо.

Позже поэмы Тарафы тоже прочтут, тоже запишут...

Я не совершу такой ошибки! Нет, я никогда не уничтожу
того, что написано!

Лучше умереть!

Он продолжил путь и принял ужасную смерть во имя искусства письма.

Еще более романтичной была жизнь поэта Антары ибн Хаддада из племени Аб. Его матерью была негритянка; поэтому только героические подвиги его отца могли доставить ему равенство с его белыми братьями. Несмотря ни на что, все белые племена не щадили своими насмешками сына черной рабыни. Но Антара любил повторять: «Моя душа похожа на тела моих белых товарищей; мое тело похоже на их души». Для тех, кто не понимал, он добавлял: «Рождение сделало меня благородным лишь наполовину; мой меч доставил мне остальное». Всю жизнь Антара сражался со своими противниками, распространял стихи как о врагах, так и о друзьях, создавая рифмы на спине своего белого верблюда. Арабы почитали его как поэта, но никогда не питали к

черному сыну рабыни ни дружбы, ни любви.

Антара взял за правило дарить первому встречному, пусть даже незнакомцу, все, что тому понравилось; он не считал принадлежащим себе то, что добывал своим мечом. Арабы, не любившие его, решили, однако, за его храбрость, мудрость и щедрость дать ему имя Антара эль-Хаки, «счастливый». Он отказался. «У меня есть враг, – заявил он, – пока я не найду его и не убью, не могу называться счастливым». – «Так убей его поскорей, потому что нам не терпится приветствовать тебя как Антару Счастливого». Поиски врага затянулись. День и ночь Антара прочесывал пустыню, расспрашивая всех, кого встречал, моля богов помочь ему совершить месть. Но трусливый враг уклонялся от встречи. Тогда Антара дал ему прозвище «убегающее счастье». Наконец боги сжалились над поэтом: он увидел на горизонте своего врага. Антара вздрогнул от радости. «Наконец, – подумал он, – мое заветное желание осуществится» – и приготовился к поединку. Противник, со своей стороны, тоже узнал его и искал спасения в единственном средстве, имеющемся у трусов: в бегстве. Но верблюд Антары разрушил его расчеты. Враг уже настигнут, уже занесено над его головой копьё Антары. В этот момент враг оборачивается и кричит: «О, Антара! Подари мне твое оружие!» Не в силах отказать в просьбе, Антара бросает свое оружие к ногам врага и уезжает, чтобы «убегающее счастье» не пронзило его выпрошенным у него копьем.

Узнав, что произошло, несколько бедуинов стали хвалить врага за то, что тот великодушно оставил Антару живым и невредимым. Но большинство ругали черного человека с белой душой. Однако, когда наступил священный месяц, арабские женщины выткали большое черное покрывало, на котором местные мудрецы написали золотыми буквами имя вежливого поэта Антары. И приказали воинам повесить этот трофей у входа в храм богов, перед священным камнем Каабой. Что же касается Антары, он называл сам себя безумцем, что на языке древних народов является синонимом Антара-поэт.

В пустыне рассказывали множество историй такого рода. Речь всегда шла о героических поэтах, сражающихся с миром, который они покоряли силой своих песен. Они символизировали арабские добродетели.

Но ни один из них не мог сравниться гениальностью с царским сыном Имру аль-Кайсом ибн Худжром. Его жизнь является цепью приключений. Отец изгнал его из-за легкомысленного нрава, и он ушел вместе с друзьями в пустыню. Там он пел свои поэмы и был любим женщинами. Но клан Бану Ассад убил его отца, и ни один из братьев не захотел за того отомстить. И вот Имру аль-Кайс, проклятый сын, решил посвятить свою жизнь мести за отца. Десять, двадцать лет он без усталости носился по пустыне во всех направлениях, сражаясь с Бану Ассад, и, наконец, обосновался в крепости еврея Самуила, а позднее попал ко двору византий-

ского императора. Там ему воздали большие почести и назначили наместником в Палестину. Предположительно, он умер в Ангоре, отравленный императором, чью племянницу соблазнил. О его жизни и жизни его верного друга Самуила создан целый цикл романтических легенд. В частности, рассказывают, что, когда Имру аль-Кайс укрылся в цитадели Аблак, владении Самуила, его самым ценным имуществом были пять панцирей, делавшие его неуязвимым. Когда он отправился в Византию, хирский царь повелел еврею Самуилу отдать ему доспехи Имру аль-Кайса. Самуил аль эль-Уаффа, верный дружбе, решительно отказался и после эпического сражения был предан мучительной смерти. И сегодня еще бедуины помнят Самуила и Имру аль-Кайса.

Имру аль-Кайс, Антара, Тарафа и многие другие рыцари-поэты стали героями арабской истории. В них воплощаются старая романтическая Аравия бедуинов, шатры, каменные идолы и кровная месть. Аравия была бедна, презираема людьми, она представляла собой лишь пустыню, дикость, варварство. Никто над ней не сжалился, никто не принимал в расчет. Один только бедуин любил свою страну, как ребенок любит мать. Он любил благородные сражения в пустыне, состязания поэтов, их бесчисленные песни во время долгих переходов. Стоит ли удивляться, что, когда Аравии был ниспослан посланец Бога, многие увидели в нем поэта?

Вокруг Аравии

Ираклий вторгся в Персию с большим войском. Он разгромил юного короля Косдру и убил много людей. А кроме того, он взял пятьдесят тысяч пленных и освободил многих христиан.
Саксонская хроника

Около 600 года нашей эры историю творили два могущественных государства, две великие державы – Персия и Византия. И та и другая имели богатое прошлое; оба постоянно находились в состоянии войны. Византия была Восточной Римской империей, наследницей римского величия и римского мира. Предшественницей Персии была империя Ахеменидов, некогда владычествовавшая над всей Азией, павшая под ударами меча великого македонянина, но после падения Рима вернувшаяся в ранг великих держав. Византия и Иран, Запад и Восток, христианство и культ огня: два мира, две культуры, две империи, противостоящие друг другу, совершенно чуждые одна другой. Мир между ними был невозможен.

Византия. Крепостные стены на Босфоре окружали ее дворцы и церкви. Но ее власть распространялась на всю Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет, Северную Африку, греческие острова и Балканы. Византия была сильна, богата и горда; она была наследницей Рима. Правда, наследницей

запоздавшей. В нее входили некогда побежденные народы, в ней царило римское право, и слово империи по-прежнему заставляло трепетать. Но сам император уже не был римлянином, императором былых времен. На берегах Босфора, за толстыми дворцовыми стенами лицо Рима было уже не тем. Вместе с новой религией установился и новый мир, не имевший ничего общего с Римом цезарей. «Я – римский император, повелитель римлян», – утверждал владыка Византии. Император без прошлого, правитель империи, лишенной древних корней. В Византии античный мир приобретал восточную окраску, и скоро римские формы скрылись под декором, незнакомым Западу.

Власть Византии распространялась на многие цивилизации. Малая Азия, Египет и Рим – все в равной мере простирались ниц перед ее троном. Троном крепким, на котором, однако, очень немногие занимавшие его могли усесться прочно. Византийцы называли Порфирогенитом каждого из тех редких императоров, чье восшествие на престол было совершенно законным¹. Императорами по воле преторианской гвардии или народных масс становились представители самых разных народов и всех рас. Потому что набранная из чужаков гвардия и буйное население, жаждавшее зрелищ, возводили на восточно-римский трон новых государей.

¹ Порфирогенитом («Порфирородным», «Багрянородным») называли детей византийских императоров, рожденных во время царствования отца. Название дано по Порфирной палате дворца, в котором рожали императрицы. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Этот император обладал необычной властью. От Рима он унаследовал великое военное искусство. От восточного мира, своего раба, еще более важное искусство ядов, хитрости, лжи и предательства. Это наследие Византия использовала в политике. Яд, обман и предательство управляли Византией, грубые наемники защищали ее. Ибо ей было что защищать, а враги ее были сильны.

В Византии, центре христианства на Востоке, император был защитником христианской веры, Гроба Господня и чистоты веры. В Византии каждый знал, что такое ортодоксия, но понимал ее на свой манер. Империю расшатывали борьба и взаимная ненависть бесчисленных сект. Базары и площади становились аренами страстных дискуссий между сектами, как в наши дни между политическими партиями. Самый малограмотный купец владел целым набором ученых аргументов, чтобы обличить оппонента. Житель Востока охоч до споров. Но когда дискуссии заходили в тупик, в дело вступали более конкретные доводы – драки, бунты, убийства, грабежи. Еще больше споров на отвлеченные темы Восток любит свободно предаваться насилию.

Дух Византии все более деградировал, каменел. Тот, кто не мог больше его выносить, говорил «прощай» гордой столице, ее Босфору, ее дворцам, ее придворным интригам и отравлениям; он уходил в пустыни умерщвлять плоть и спасать душу. Византийский мир был полон аскетами. Например, святой Симеон оставался семь лет неподвижным, в мо-

литве, наверху столба, чтобы показать, что он полностью растворился в Боге. Другие предпочитали проводить жизнь в могиле, наполовину погребенные; третьи сами сажали себя в тюрьму, обвешиваясь цепями. Встречались люди, объединявшие вокруг себя учеников в пустыне и дававшие начало новым сектам.

Это множество сект привело к деградации христианства в Византии. Духовная жизнь превратилась в сектантские беспорядки. Но опасность грозила и извне. К золотому трону и короне императора, к сокровищам дворцов, к богатству городов и деревень тянулись жадные руки. Нетерпеливые взгляды, жадные вожеления не имели иного предмета.

Старый мир трещал по всем швам. Народы приходили в движение. На Балканах, за Кавказским хребтом, на всех границах империи появились орды кочевников. В двери Византии с силой ломались. Без перерыва, год за годом, императору приходилось защищать восточно-христианский мир от вторжений варваров. Но худшая опасность для Византии исходила не от грубых кочевников, аланов, гуннов и северных славян. Главным врагом был Иран, Персия, страна, в которой правил шахиншах (великий шах) из благочестивой персидской династии Сасанидов.

Священный Иран, страна вечного огня, Ахурамазды, доброго и злого Ангру-Манью, была в те времена плохо известна европейцам. Все, что о ней знали, – это то, что она является могущественным соседом Восточной Римской (Ви-

зантийской) империи, что этот самый Иран вел продолжительные и кровопролитные войны с Римом, часто бывал побежден, но часто выходил победителем и что он совершенно закрыт для христианского влияния. Все, что происходило внутри его, оставалось неведомым.

Огромная страна. Прекрасная. Загадочная. От византийских границ она простиралась далеко, до глубин Средней Азии, от Персидского залива до вершин Кавказа. Это было зеленое и молчаливое владение священного огня, пророка Заратустры, жрецов Атропатены и великого шаха.

Религия огня была основана за много веков до того Заратустрой. Окруженный учениками, он странствовал по плодородному Ирану, оставляя позади себя храмы священного вечного огня, бьющего из-под земли. Народ падал на колени, а священники пели гимны в честь бога огня. На берегах беспокойного Каспия располагалась иранская провинция Атропатена. Заратустра сделал ее своей землей обетованной. Оттуда поднимались к нему языки священного пламени. Атропатена стала священной землей Ирана. Хозяевами в ней были жрецы; они поклонялись священному огню и из этой прикаспийской провинции решали, кто станет властелином державы, раскинувшейся между Византией и Китаем. Жрецы были очень могущественны и мудры.

Рассказывают, будто они отправили в подарок юному шахиншаху Шапуру, тогда еще ребенку, игру в поло. На металлической доске расположилась искусственная лужайка, по

которой готовы были побежать маленькие лошадки. Сложный механизм вводил в игру мяч; другой позволял лошадям передвигаться по лужайке и, бегая за мячом, даже справлять свои надобности, искусственные, как все остальное. Этот подарок должен был одновременно развлечь маленького монарха и внушить ему почтение к священническому сословию. Когда он вырос и игрушки устарели, жрецы изготовили для него двух стальных человек, сопровождавших его во всех поездках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.